

ОЛЕГ ПРОСКУРИН

путешествие Пушкина в Оренбург и генезис комедии «Ревизор»

об одном загадочном эпизоде
в биографиях Пушкина и Гоголя

1 «Событие во время поездки»

Сюжетом «Ревизора» Гоголь, как известно, обязан Пушкину.

Эта истина, давно и прочно укоренившаяся в массовом сознании, обнаруживает, однако, свою неопределенность и зыбкость, стоит только задаться простым вопросом: а *чем же именно* оказался обязан Пушкину Гоголь?

Единственное письменное свидетельство самого Гоголя на этот счет (в так называемой «Авторской исповеди») не содержит ничего конкретного, да и оформлено оно как своего рода дополнение к другому, куда более важному и значимому для автора сообщению — о том, что Пушкин отдал ему сюжет «Мертвых душ». Оно и сообщено словно между прочим, в скобках: «(Мысль «Ревизора» принадлежит также ему)».

Наиболее достоверный *устный* рассказ Гоголя о пушкинском компоненте «Ревизора» зафиксирован известным ученым-славистом О.М. Бодянским в дневниковой записи от 31 октября 1851 года:

Вечер у Аксакова <...>. Перед началом Гоголь, пришедший в 8 часов вечером, при разговоре, между прочим, заметил, что первую идею к «Ревизору» подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче *Свиньине*, как он, в Бессарабии, выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника и, только зашедши уж далеко (стал было брать прошения от колодников), был остановлен. «После слышал я, прибавил он, еще несколько подобных проделок, напр., о каком-то *Волкове*»¹.

Совершенная достоверность рассказа о творческой заинтересованности Пушкина приключениями П.П. Свиньина подтвердилась уже в XX веке, когда был найден и опубликован план пушкинского сочинения (возможно, комедии), начинающийся фразой: «[*Свиньин*] *Криспин* приезжает в Губернию...»²

Но почти за четверть века до обнаружения дневниковой записи Бодянского, в 1865 году, в печати появились мемуарные тексты,

сообщавшие, что Гоголь как создатель «Ревизора» оказался обязан Пушкину не «свиньинским», а *другим*, по преимуществу автобиографическим, материалом. Вот что говорилось об этом в воспоминаниях графа В.А. Соллогуба, впервые напечатанных в «Русском архиве»:

Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того, Пушкин, сам будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр. В.А. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтоб был осторожен, так как история Пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом. Сюжет «Мертвых душ» тоже сообщен Пушкиным...³

Более чем через сто лет после публикации мемуаров Соллогуба выяснилось, что проезжий господин (имя которого Соллогубу не было известно) — это тот самый таинственный Волков (Платон Григорьевич, довольно известный в свое время литератор), о котором вспомнил Гоголь в беседе у Аксаковых в 1851 году⁴. Но если, согласно Бодянскому, сведения о приключении Волкова Гоголь узнал «потом», уже после бесед с Пушкиным (и, насколько можно понять, независимо от него), то у Соллогуба и историю с устюженским авантюристом, и историю с письмом Гоголь получил от Пушкина. А вот история с приключениями Свиньина в мемуарах его не упоминается вовсе...

Публикуя воспоминания Соллогуба, издатель «Русского архива» П. Бартенев снабдил упоминание о полученном Перовским письме обширным примечанием, содержащим весьма красочный фрагмент из мемуаров анонимного автора, посвященных тому же эпизоду (имя автора по сей день остается неизвестным):

В одних неизданных записках о жизни Пушкина это рассказано следующим образом: «В поездку в Уральск для сбирания сведений о Пугачеве, в 1833 г. Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М.П. Б.<утурлин>. Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр. Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом. Дело в том, что он получил письмо от Б.<утурлина> из Нижнего, содержания такого: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к Вам расположение;

я почел

ПУТЕШЕСТВИЕ ПУШКИНА В ОРЕНБУРГ И ГЕНЕЗИС «РЕВИЗОРА»

я почел долгом вам посоветовать, чтобы вы были осторожнее, и пр.». Тогда Пушкину пришла идея написать Комедию: «Ревизор». Он сообщил после об этом Гоголю, рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде. (Слышано от самого Пушкина.)⁵

Этот мемуарный фрагмент прояснил некоторые имена и реалии. В частности, обозначен отправитель письма — нижегородский военный и гражданский губернатор Михаил Петрович Бутурлин. Пушкин посетил его 2 (и, вероятно, 3) сентября 1833 года. О своем визите Пушкин писал вечером 2 сентября жене: «Сегодня был я у губернатора ген.<ерала> Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него»⁶.

Сведения, сообщенные в воспоминаниях Соллогуба и в сопутствующих им мемуарах неизвестного автора, сразу же вошли в оборот и были быстро приняты на вооружение. Так, уже в 1866 году Г. Данилевский, в молодые свои годы познакомившийся с Гоголем и присутствовавший *на том самом вечере* у Аксаковых в октябре 1851 года, о котором оставил дневниковую запись Бодянский, описал содержание состоявшегося тогда разговора несколько иначе: «За несколько месяцев до смерти Гоголя, в 1851 году, в одном известном семействе в Москве у А** <...> разговор зашел о сюжетах вообще, и Гоголь чистосердечно объявил, что мысль „Ревизора“ поведена ему Пушкиным, с которым едва не было подобного же события во время его поездки, за материалами по истории Пугачева, в Оренбург. Пушкин прибавил Гоголю, что подобная история случилась и с Свиным, редактором первых „Отечественных записок“⁷. У Бодянского, как мы помним, «первую идею» «Ревизора» подал рассказ Пушкина о Свиныне; у Данилевского история со Свиным отходит на задний план, превращается во второстепенную и факультативную («Пушкин прибавил...»), главным же оказывается рассказ о событии, которое чуть было не случилось с Пушкиным во время поездки в Оренбург. Что это за «событие», Данилевский сообщил в особом примечании: «Именно, услужливый знакомый, в одном из городов, куда должен был заехать Пушкин, опередил поэта письмом к градоначальнику, где было сказано: „Пушкин едет к вам за материалами, но вы на это не смотрите; он скрывается, а наверно едет вас ревизовать!“ Можно вообразить, какой прием Пушкину сделали вследствие такого письма!» Нетрудно заметить, что Данилевский, в сущности, вольно пересказывает Соллогуба и неизвестного мемуариста; по всему судя, рассказ о письме и его содержании заимствован мемуаристом не из глубин собственной памяти, а из недавней журнальной публикации, заставившей автора соответствующим образом перестроить давний и, в общем, не очень памятный ему рассказ Гоголя⁸.

Данилевский открыл собою длинный ряд тех, кто попал под обаяние Соллогуба и его неведомого собрата по перу. Почти за полтора века, прошедших со времени первой публикации их мемуаров, история с бутурлинским письмом получила прочные права гражданства и в гоголеведении, и в пушкинистике, и в популярной краеведческой литературе⁹. Эти мемуарные сообщения подробно рассматриваются также в комментариях к «Ревизору» в новейшем академическом собрании сочинений Гоголя и признаются в общем достоверными¹⁰.

2 другое письмо нижегородского генерал-губернатора

Надо заметить, что основным источником информации о происшествии с Пушкиным, которое послужило «основанием» гоголевской комедии, оказался не столько граф Соллогуб, сколько анонимный мемуарист, рассказавший о получении бутурлинского письма занимательнее и с рядом колоритных деталей¹¹. С.Л. Абрамович предположила даже, что мемуарный рассказ, приведенный в примечании к запискам Соллогуба, — это не что иное, как воспроизведение записи, сделанной Бартевым «со слов Даля». Соответственно, и завершающую рассказ помету («Слышано от самого Пушкина») Абрамович уверенно дополнила обозначением имени рассказчика в угловых скобках. Получилось: «Слышано <Далем> от самого Пушкина»¹².

Такая атрибуция резко повышает авторитетность анонимного мемуарного свидетельства: Даль ближайшим образом общался с Пушкиным во время пребывания последнего в Оренбуржье и оставил об оренбургских встречах ценные воспоминания.

Однако предложенная Абрамович атрибуция очень мало правдоподобна. Она противоречит, в частности, тому, что мы знаем от самого Даля.

17 января 1860 года П.И. Бартев, будущий издатель «Русского архива», записал рассказ Даля о пребывании Пушкина в Оренбурге. Начинался он так: «В 1833 году П-н приехал в Оренбург, где тогда Даль служил при Перовском. Вслед за тем из Нижнего-Новгорода от тамошнего губернатора Бутурлина пришла к Перовскому бумага с извещением о путешествии Пушкина, который состоял под надзором полиции»¹³.

После этого сообщения Даль возвратился к подробностям оренбургского пребывания Пушкина. Изложение, таким образом, способно создать впечатление, будто речь идет о письме, полученном в ту пору, когда Пушкин находился в Оренбурге. Так, может быть, речь и идет о том самом письме, о котором упоминают Соллогуб и анонимный мемуарист? Но при чем здесь тогда «надзор полиции»?..

История предоставила нам редкую возможность прояснить беглое (и не очень внятное) свидетельство мемуариста. Упомянутое

Далем

Далее письмо Бутурлина сохранилось в составе особого дела о секретном надзоре за Пушкиным.

20 сентября 1833 года петербургский обер-полицеймейстер С.А. Кокошкин отправил нижегородскому военному губернатору М.П. Бутурлину отношение, в котором сообщал о том, что известный поэт, титулярный советник Пушкин, над коим 19 августа 1828 года в столице был учрежден секретный полицейский надзор, 14 сентября (!) «выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии». «Уведомляя о сем Ваше Превосходительство, — продолжал столичный полицеймейстер, — я покорнейше прошу сделать распоряжение об учреждении за Пушкиным секретного надзора по месту пребывания его в подведомственной Вам Губернии»¹⁴.

Бутурлин получил это отношение 1 октября. Тут же из его канцелярии был отправлен запрос нижегородскому полицеймейстеру, на который 4 октября был получен ответ, из коего следовало, что «титулярного советника Пушкина в проезде не имелось», а служащий в Иностранной коллегии статский советник (!) Пушкин выехал из Нижнего Новгорода в Казань 3 сентября. Получив эти сведения, Бутурлин в свою очередь отправил 9 октября в Казанскую и Оренбургскую губернии секретные отношения. Текст, отправленный Перовскому, гласил:

Известаясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернию, я долгом считаю о вышесказанном известить Ваше превосходительство, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбург<скую> губ<ернию>, учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время пребывания его в Ор. губ., секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его.

23 октября 1834 года Перовский набросал на полученном письме распоряжение для своей канцелярии:

Отвечать, что сие отношение получено чрез месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий¹⁵.

Распоряжение Перовского было переписано и 24 октября отправлено Бутурлину секретным отношением за № 204:

Имею честь ответить Вам, милостивый государь, что отношение Ваше получено мною чрез месяц после отбытия отсюда г. Пушкина в свою деревню Нижегородской губернии, а потому... (далее — как в тексте черного распоряжения. — О.П.)¹⁶.

Даль, чиновник особых поручений при Перовском, пользовавшийся совершенным доверием начальника, эту трагикомическую переписку, конечно, превосходно знал. Именно о секретном письме Бутурлина он и упомянул в рассказе, записанном Бартеневым в 1860 году. «Вслед за тем» означает не «вслед за прибытием», а «вслед за пребыванием» Пушкина в Оренбурге. Даль, таким образом, упомянул эпизод, о котором он вынужден был молчать на протяжении николаевского царствования: в воспоминаниях о Пушкине, писанных в 1840 — начале 1841 года (и отчасти использованных конкурентом Бартенева Анненковым), о секретном письме не говорилось ни слова. Но Бартенев (судя по записи) важности этого сообщения не оценил; кажется, он даже не понял, что упоминание о письме выбивается из хронологии событий¹⁷. Наводящих вопросов он, судя по всему, Далю тогда не задал — рассказчик так и не вернулся к намеченному сюжету...

Ни о каком *другом* письме Бутурлина Даль в своих мемуарах не упоминал никогда.

3 было ли первое письмо?

Переписка по делу о тайном надзоре над Пушкиным известна с 1883 года, рассказ Даля в записи Бартенева — с 1925-го (когда он был опубликован М.А. Цявловским в сборнике «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851–1860 гг.»). Пушкинисты, однако, на удивление легко примирили данные о секретной переписке с мемуарными свидетельствами Соллогуба и неизвестного автора. Картина выстроилась такая: сначала Бутурлин, заподозрив в Пушкине тайного агента правительства, послал Перовскому письмо, в котором предупредил оренбургского военного губернатора о возможной секретной миссии его гостя. Потом, узнав, что Пушкин — вовсе не правительственный агент, а, наоборот, лицо поднадзорное, Бутурлин отправил Перовскому *второе* письмо, в котором просил учредить над Пушкиным секретный полицейский надзор. Именно так представлено дело в большинстве работ, посвященных уральскому путешествию Пушкина. Так представлено оно и в итоговой «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина»¹⁸.

Ни официальные документы, ни авторитетное свидетельство Даля не показали достаточными, чтобы подвергнуть сомнению красочные рассказы Соллогуба и анонимного мемуариста.

Меж тем в правдоподобии рассказанной мемуаристами истории должно было заставить усомниться многое. Особенно странными должны были показаться действия нижегородского губернатора. Прежде всего, так и остается непонятым, *что же* могло заставить Бутурлина заподозрить в помещике вверенной ему губернии секретного правительственного агента. И уж совсем непонятными выглядят действия,

совершенные

совершенные губернатором после получения письма из столицы. Итак, Бутурлин, получив в начале октября отношение из Петербурга касательно Пушкина, накладывает следующую резолюцию: «Узнать, куда поехал. Если в деревню, то написать исправнику и во всяком случае; а если по тракту, то к начальнику губернии Казанской и Оренбургскому военному губ. <ернатору>; уведомить обер-полицеймейстера». Нижегородского полицеймейстера уведомляют; он наводит справки, шлет губернатору извещение о прибытии Пушкина в Нижний 2 сентября и об отбытии его в Казань, после чего Бутурлин отправляет соответствующие бумаги в Казань и в Оренбург. Не удивительны ли эти действия со стороны человека, который совсем недавно предупреждал оренбургского генерал-губернатора о скором приезде к нему подозрительного Пушкина?.. С.Л. Абрамович так пытается объяснить акции, предпринятые нижегородским генерал-губернатором: «Бутурлин был прекрасно осведомлен о том, куда и когда выехал из Нижнего Новгорода Пушкин, но он дал делу лишь после того, как был получен официальный ответ от полицеймейстера. Губернатор знал толк в бумажном делопроизводстве»¹⁹.

Допустим, губернатор толк в делопроизводстве действительно знал. Допустим даже, что Бутурлин, прекрасно осведомленный насчет маршрутов Пушкина, попросту дезинформировал начальство. Но с какой целью? Чтобы оградить себя от лишних хлопот и возможных неприятностей (а заодно предстать перед властями в наилучшем свете), ему надлежало бы как можно скорее разыскать Пушкина, учредить над ним полицейский надзор и немедленно отрапортовать начальству о своевременно принятых мерах. Сделать это было как будто совсем нетрудно: 4 октября, в тот самый день, которым датирован ответ нижегородского полицеймейстера о выезде «тайного советника Пушкина» в Казань, титулярный советник Пушкин уже находился в Болдине и заканчивал первую главу «Истории Пугачева»... Вместо этого Бутурлин *по собственной инициативе* (это следует подчеркнуть; никаких предписаний и рекомендаций на сей счет в петербургском письме не содержалось!) рассылает письма казанскому и оренбургскому губернаторам; предписание же сергачскому земскому исправнику иметь за Пушкиным секретный надзор отправляется из губернской канцелярии только 16 октября — да и то, видимо, не потому, что местонахождение Пушкина к тому времени было наконец-то установлено, но потому только, что исправника решено было информировать «во всяком случае»...

Из анализа действий Бутурлина напрашиваются два вывода, совершенно непохожие на те, которые сделала С.Л. Абрамович. Первый: административный аппарат Нижегородской губернии работал из рук вон плохо (впрочем, немногим хуже центрального — в столице, судя по всему, перепутали сентябрь с августом). Второй: нижегородский губернатор в октябре 1833 года имел о планах Пушкина самые туманные

представления. Что именно он знал?.. Предпринятые Бутурлиным акции позволяют утверждать, что Пушкин во время своего визита к нижегородскому губернатору, 2 или 3 сентября, сообщил хозяину, что намерен отправиться в Казань и Оренбург за материалами для задуманного романа (напомним, что такой была официальная мотивировка для получения Пушкиным отпуска и разрешения на посещение названных губерний²⁰). Никаких деталей путешествия, т.е. его сроков, продолжительности, точных маршрутов, Пушкин с Бутурлиным не обсуждал. Судя по всему, Бутурлин не знал даже, когда именно Пушкин намерен отправиться в свое странствие. Потому-то еще в середине октября Бутурлин и мог предполагать, что Пушкин все еще находится в одной из двух упомянутых Пушкиным губерний, но где именно — он в точности не знал. Этим только и можно объяснить предпринятую по инициативе Бутурлина одновременную рассылку писем казанскому и оренбургскому губернаторам.

Но допустим даже, что все акции Бутурлина в октябре 1833 года имели целью замаскировать его подлинное знание о положении вещей. В таком случае крайне странным должен показаться характер действий, предпринятых им в сентябре. Ясно, что конфиденциальные письма с предупреждением о грозящей опасности обретают смысл только при непременно выполнении одного условия: письмо должно дойти до адресата раньше, чем появится носитель потенциальной угрозы. Заподозрить Бутурлина в том, что он таких вещей не понимал, невозможно. Допустим далее, что по разным причинам (к примеру, опасаясь подозрений, козней врагов и возможного раскрытия служебного преступления) он не рискнул отправить конфиденциальное письмо с нарочным. Но в распоряжении губернатора в любом случае оставалось немало возможностей для осуществления срочной связи. Так, буквально накануне поездки Пушкина на Урал, в 1833 году, между Петербургом и Оренбургом была установлена экста-почта (с промежуточными пунктами в Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Казани и Симбирске)²¹. Скорость ее была по тем временам впечатляющей: от Москвы до Оренбурга экста-почта доходила на шестые сутки²².

Сколько же времени двигалось секретное письмо Бутурлина в Оренбург из Нижнего? Согласно Соллогу и неизвестному мемуаристу, письмо пришло в Оренбург после прибытия туда Пушкина (исследователи вопроса уточнили — через два дня). Меж тем с выезда Пушкина из Нижнего Новгорода до приезда его в Оренбург прошло *пятнадцать дней*, если же считать до утра 20 сентября — почти *семнадцать*. Столь фантастически медленная скорость передвижения²³ — несопоставимая со скоростью не только экстренной, но и обычной почты! — объясняется тем, что Пушкин на своем пути дважды надолго останавливался: почти три дня он провел в Казани (с вечера 5 сентября до утра

до утра 8-го), больше пяти дней — в Симбирске и его окрестностях (с вечера 9-го до утра 15 сентября)²⁴. Таким образом, из 15 дней, проведенных Пушкиным в пути, большая часть времени (8 дней) пришлось на длительные остановки.

Даже если Бутурлин какое-то время колебался (предупреждать или не предупреждать сотоварища по должности?), даже если он имел основания не особенно спешить (допустим, Пушкин сообщил ему, что намерен ехать на восток не торопясь), все же губернатор, конечно, никак не мог знать, сколько именно дней проведет Пушкин в поволжских городах, не мог предположить, что по пути он сделает крюк, чтобы навестить имение приятеля (130 верст в два конца), и уж тем более не мог принимать в расчеты зайца, который некстати перебежит дорогу Пушкину в ночь на 13 сентября и задержит путешественника в Симбирске еще на два дня!.. В любом случае получается, что либо губернатор оправил письмо с экстренной информацией непростительно поздно, либо оно шло из Нижнего в Оренбург непомерно долго²⁵.

Но даже если закрыть глаза и на эти несообразности (допустив, что почту задержали особые обстоятельства: скажем, на нее напали лихие люди) — необъяснимые противоречия не исчезнут.

Все авторы, так или иначе касавшиеся сюжета, согласны в том, что письмо Бутурлина могло быть получено Перовским и зачитано Пушкину не 19-го, а только 20 сентября, накануне отъезда. (Такая дата принята и в «Летописи...») Вывод строится на аргументах, выдвинутых еще в начале XX века: в анонимных мемуарах, опубликованных Бартеневым, сообщалось, что чтение письма происходило «поздно утром» — меж тем 19 сентября Пушкин, бесспорно, встал очень рано: утром он уже был с Далем в Бердской слободе (согласно Далю — «целое утро» проговорил со старухой, помнившей Пугачева). До отъезда в Берду Пушкин успел, тем не менее, написать письмо жене. Текст его расценивается (надо заметить, с достаточными остроумием и убедительностью) как еще один косвенный аргумент за то, что письма от Бутурлина Перовский Пушкину этим утром не читал: «Если бы письмо было читано 19-го, то Пушкин не пропустил бы написать о таком комическом случае жене, которой он написал, в письме от 2 октября, как „мило и ласково“ приняли его Бутурлины»²⁶.

Но проблема состоит в следующем. Принято считать, что ночь с 19 на 20 сентября Пушкин, как и прочие, провел у генерал-губернатора (только при этих условиях и могла разыгаться сценка, столь красочно описанная неизвестным мемуаристом). «Вернувшись к Перовскому, — восстанавливает последовательность событий Д.Н. Соколов, — Пушкин долго с ним разговаривал, — вероятно из деликатности по отношению к гостеприимному хозяину, к которому за весь день он заезжал только пообедать. Поэтому он лег спать только поздно ночью и 20-го проспал до позднего утра»²⁷. Все эти данные (в «Летописи...»

статья Соколова фигурирует в качестве первоисточника!) основаны на мемуарах анонима, опубликованных Бартеиевым. Новация автора состоит только в предположении о «деликатности» как причине долгого разговора с Перовским. Круг, таким образом, замыкается.

На первый взгляд противоречия известным данным здесь нет: кажется, никто не сомневался в том, что Пушкин провел *все* оренбургские ночи у Перовского. Об этом писал еще П.В. Анненков: «19-го Сентября прибыл он в Оренбург. Там останавливался он, как мы слышали, в доме самого Генерал-Губернатора и вместе с В.Н. (sic!) Далем объехал Оренбургскую линию крепостей, ища везде преданий и свидетельства очевидцев»²⁸. А ведь Анненков основывал свои данные на информации, полученной от Даля!..

Между тем как раз свидетельства Даля позволяют разрешить вопрос о местопребывании Пушкина в Оренбурге совершенно по-иному.

Первое свидетельство содержится в «Воспоминаниях о Пушкине», написанных Далем в 1840–1841 годах и введенных в широкий оборот Л.Н. Майковым в 1890-м. Со времен Майкова и до самого последнего времени текст очерка печатался в этом месте так: «Пушкин <...> остановился в загородном доме у военного губернатора В.Ал. Перовского, а на другой день перевез я его оттуда»²⁹. Использованная Далем формула казалась позднейшим исследователям не вполне точной и затемняющей суть событий. Вот что замечает по этому поводу Д.Н. Соколов: «Утром же приехал Даль, и с ним Пушкин поехал сначала в город. Даль говорит, что он „перевез“ его туда, но это выражение неточное: заезжали они только не надолго, чтобы кое-что осмотреть и захватить с собою в Бёрды Артюхова»³⁰.

Однако обращение к авторизованной писарской копии далевских воспоминаний позволило установить, что при публикации мемуарного очерка Даля Майков сделал в тексте вольный или невольный пропуск. В рукописи соответствующее место читается так: «Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у в<оенн>ого губ<ернато>ра В.А. Перовского, а на следующий день перевез я его оттуда к себе...»³¹

Публикатор рукописи справедливо обращает внимание на важность этого уточнения. Однако нелишне заметить, что эту же подробность пребывания Пушкина в Оренбурге Даль отметил и в рассказе, записанном Бартеиевым в январе 1860 года — том самом, о котором уже шла речь выше: «С Перовским Пушкин был на ты и приехал прямо к нему, но в доме генерал-губернатора поэту было не совсем ловко, и он перешел к Далю; обедать они ходили вместе к Перовскому»³².

В данном случае мемуарист, конечно, точен: не случайно он воспроизвел эту информацию дважды, с промежутком почти в двадцать лет — не только без изменений, но еще и со специальными разъяснениями

смысла

смысла перемещений Пушкина. Памятливость Даля совершенно неудивительна: можно было забыть и перепутать что угодно, но единственная ночь, проведенная Пушкиным в доме мемуариста, несомненно, принадлежала к числу самых ярких и запоминающихся событий его жизни.

Итак, о чтении бутурлинского письма Пушкину в доме Перовского утром 20 сентября 1833 года речи быть не могло: это утро Пушкин встретил в доме у Даля.

К сказанному остается добавить: экстра-почта (как и обычная почта) отправлялась из Оренбурга по вторникам. (Этим и объясняется, между прочим, почему Пушкин пишет письмо жене ранним утром 19 сентября — это вторник, нужно было поспеть к почте. Так же объясняется, почему резолюция Перовского на официальном отношении Бутурлина наложена 23 октября: ответ должен был уйти в Нижний Новгород во вторник, 24 октября.) Приходила же почта в Оренбург по четвергам. 20 сентября 1833 года приходилось на среду. Почта, следовательно, прибыла в Оренбург только на следующий день после отъезда Пушкина...

4 некоторые выводы

Итак, ряд данных — документальных, мемуарных, исторических — позволяет заключить: письмо Бутурлина Перовскому о Пушкине-ревизоре не существовало и не могло существовать в природе.

Рассказанная Соллогубом и анонимным мемуаристом история о получении и чтении письма оренбургским военным губернатором в присутствии Пушкина — это, несомненно, деформированная история *реального* бутурлинского письма (пришедшего в Оренбург через месяц после отъезда Пушкина) — об учреждении над Пушкиным секретного надзора. В историях и с реальным, и с фиктивным письмом действуют одни и те же персонажи, действие разворачивается на фоне одних и тех же декораций, обсуждается один и тот же герой. Смысловой сдвиг в изложении произошел на уровне сюжета, но этот сдвиг изменил реальную картину до неузнаваемости.

Как же могла произойти подобная деформация?

По всей вероятности, после кончины Николая Павловича (вряд ли раньше) в общество проникли какие-то сведения о *настоящем* письме Бутурлина, восходящие, видимо, к Дально. Зная, в какой туманно-обтекаемой форме сообщал Даль о бутурлинском письме даже Бартеневу, мы можем предположить, что исходившие от него сведения имели самый общий характер и были лишены каких-либо подробностей. В лучшем случае могло стать известно, что в каком-то «секретном письме» нижегородского военного губернатора высказывались подозрения насчет того, не преследовало ли путешествие Пушкина, помимо исторических разысканий, каких-то иных целей.

Эта скудная информация легла на благодатную почву.

В 1855 стало широко известно признание Гоголя о том, что «мысль Ревизора» принадлежит Пушкину³³. Читательский интерес был подогрет: возникло естественное желание узнать, в чем же именно состояла эта «мысль».

Какие-то слухи о пушкинском происхождении сюжета «Ревизора» циркулировали давно. Видимо, к ним отсылает пояснение в мемуарах анонима, опубликованных Бартеневым: «Тогда Пушкину пришла идея написать Комедию: „Ревизор“. Он сообщил после об этом Гоголю, рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде». К сообщению о пушкинских литературных планах и относится, вероятнее всего, помета мемуариста (ввергнувшая в соблазн последующих интерпретаторов): «Слышано от самого Пушкина». Сведения о пушкинских намерениях и планах (документально подтвержденных, повторим, лишь в XX веке), действительно, могли восходить только к Пушкину. Но реальная составляющая этих слухов не помнилась уже практически никем, что и неудивительно. Для поколения Пушкина П.П. Свиньин — неотъемлемая часть литературного ландшафта, носитель ампулы выдающегося враля, предмет постоянного вышучивания³⁴. Для поколения, вступившего в свет в середине 30-х годов (а именно к нему принадлежали Соллогуб и, с большой долей вероятности, анонимный мемуарист) фигура Свиньины утратила актуальность: примечательно, что в мемуарном корпусе Соллогуба, где мелькают сотни имен, Свиньин не упомянут ни разу. Стоит напомнить также, что Бодянский после разговора с Гоголем о происхождении сюжета «Ревизора» наводил о Свиньине и его приключениях специальные справки; сообщение Гоголя его заинтриговало, но само по себе, видимо, мало что объяснило³⁵. В памяти же мемуаристов, не склонных, в отличие от ученого Бодянского, к специальным разысканиям, история со Свиньиным совершенно не запечатлелась: имя его ничего им не говорило.

Напротив, слухи о «секретном письме» подсказывали напрашивающийся ответ на вопрос о роли Пушкина в создании «Ревизора»: ведь письмо — одна из пружин действия гоголевской комедии!.. Соответственно, слухи о бутурлинском письме начинают обрастать деталями, явно навеянными «Ревизором»: в рассказе о его содержании и об обстоятельствах его получения оказывается свернута почти вся комедия Гоголя — завязка («хозяин города» предупреждается конфиденциальным письмом о приезде инспектора из Петербурга), развитие действия (партикулярное лицо ошибочно идентифицируется как ревизор) и развязка (письмо читается в присутствии лица, о котором в письме говорится).

История насыщается историческими подробностями, создающими атмосферу достоверности. Но достоверность их иллюзорна: это не драгоценные свидетельства очевидца, а реалии (заимствованные из «предания»

«предания» и даже печатных источников), специально подобранные так, чтобы увеличить правдоподобие анекдотического сюжета. Сюжет новеллы они действительно мотивируют, а вот с биографией Пушкина вступают в противоречие. К примеру, утверждение, что Пушкин прибыл в Оренбург *прямо* из Нижнего Новгорода, дает мотивировку опозданию письма Бутурлина. Но рассказчик анекдота не знает, что Пушкин в пути делал длительные остановки, а этот факт лишает мотив опоздания должной убедительности. Чтение письма происходит в доме Перовского, что соответствует доступной *к тому времени* информации, но опровергается документальными данными, которые станут доступны позднее, и т.п.

Наконец, «письмо Бутурлина» окрашивается — разумеется, независимо от намерений мемуаристов — элементами гоголевского стиля. В версии анонима письмо почти повторяет словесные обороты Андрея Ивановича Чмыхова: «Ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к Вам расположение; я почел долгом вам *посоветовать, чтобы вы осторожнее, и пр.*». Ср. у Гоголя: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию... *советую тебе взять предосторожность*». Тон «письма Бутурлина» разве что одним регистром стилистически выше тона корреспондента городничего — и все же выше не настолько, чтобы за «и пр.» не ожидать сентенцию, подобную чмыховской: «Так как, я знаю, что за вами, как за всяким, водятся грешки, потому что вы человек умной и не любите пропускать того, что плывет в руки...»

Так *несуществующее* письмо обрело в мемуарных рассказах и «содержание», и «исторический контекст», и выразительную стилистическую фактурность. Фантомный литературный конструкт превратился в основной сюжетный источник гоголевской комедии, в воплощение той самой «мысли Ревизора», которую Пушкин якобы подарил Гоголю.

Это письмо, которого Бутурлин никогда не писал, Перовский не читал, а Пушкин не слышал, должно быть исключено из пушкинской биографии и из творческой истории комедии Гоголя «Ревизор».

примечания

1 Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 гг. // Русская старина. 1889. № 10. Октябрь. С. 133–134.

2 Морозов П.О. Первая мысль «Ревизора» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 16. С. 110–114.

3 Русский архив. 1865. № 5. Стлб. 744. Ср.: Соллогуб В.А. Воспоминания. М., 1998. С. 228.

4 Панов В. Еще о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 125.

5 Русский архив. 1865. № 5. Стлб. 744–745.

6 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., Л., 1937–1959. Т. XV. С. 78. Далее ссылки на это издание даются в скобках.

7 Данилевский Г.П. Украинская старина: Материалы для истории украинской литературы и народного образования. Харьков, 1866. С. 214.

- 8 Этот мемуар Данилевского вообще сомнителен и, похоже, сплошь компилятивен. Кажется, он толком не слышал разговора о «Ревизоре», а опирался в основном на Бодянского, причем нещадно его перевирая. В позднейших воспоминаниях Данилевского («Знакомство с Гоголем», 1886), рассказывающих, в частности, о том самом дне, 31 октября 1851 года, об обсуждении сюжета «Ревизора» вообще нет ни слова. См.: Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 440–444.
- 9 См., в частности, раздел о Бутурлине в сетевом проекте «Нижегородские градоначальники» (<http://www.admgor.nnov.ru/references/mayor/buturlin.htm>). То же — на официальном сайте городской администрации Нижнего Новгорода (http://www.admgor.nnov.ru/references/Governor/Governor_11.html).
- 10 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 4. С. 638.
- 11 Комментатор «Ревизора» Ю.В. Манн предположил даже, что «это свидетельство и послужило основой рассказа как Соллогуба, так и Данилевского» (*Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 635). По отношению к Данилевскому (опиравшемуся, впрочем, и на Соллогуба) это заключение безусловно верно. Но считать рассказ анонима «основной» мемуаров Соллогуба нет оснований. Естественнее предположить, что тексты восходят к общему источнику.
- 12 *Абрамович С.* Пушкин в 1833 году. М., 1994. С. 388. Заметим, что заключительную фразу в опубликованном отрывке Абрамович приписывает Бартеневу, т.е. рассматривает ее как издательский комментарий к мемуару. Это, видимо, не так.
- 13 *Бартнев П.И.* О Пушкине: Страницы жизни поэта: Воспоминания современников. М., 1992. С. 340.
- 14 Впервые: Русская старина. 1883. Т. 37. № 1. С. 78. Цит. по: *Абрамович С.* Указ. соч. С. 389.
- 15 Там же. С. 440.
- 16 *Славянский Ю.Л.* Поездка А.С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С. 77.
- 17 Мы, впрочем, не можем с совершенной уверенностью утверждать, кому именно принадлежит композиция записи рассказа — Далю или Бартеневу. Соответственно, невозможно сказать, сам ли Даль нарушил в упоминании о бутурлинском письме хронологический порядок изложения, или это сделал его слушатель.
- 18 *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. М.А. Цявловский (1799 — сент. 1826), Н.А. Тархова (сент. 1826 — 1837); Отв. ред. Я.Л. Левкович. М., 1999. Т. 4. С. 101–104.*
- 19 *Абрамович С.* Указ. соч. С. 407.
- 20 См. переписку Пушкина с начальником канцелярии III Отделения А.Н. Мордвиновым (XV, 69–71).
- 21 См.: Северная пчела. 1833. 5 июня. № 123.
- 22 *Большаков Л.Н.* «Все он изведal...»: Тарас Шевченко: поиски и находки. С. [5]. (http://kraeved.opck.org/biblioteka/lichnosti/vse_on_izvedal/vse_on_izvedal.pdf).
- 23 В 1847 году Т.И. Шевченко был доставлен фельдъегерем из Петербурга в Оренбург менее чем за девять суток, с 1 по 9 июня. См.: Оренбургская Шевченковская энциклопедия. Ч. II: Из истории — 1847 (<http://www.orenburg.ru/culture/encyclop/tomi/index-part2.html>).
- 24 См.: *Славянский Ю.Л.* Указ. соч. С. 26–52.
- 25 Можно, правда, заметить, что и сохранившееся официальное письмо Бутурлина о Пушкине шло из Нижнего Новгорода в Оренбург как будто тоже очень долго: отношение Бутурлина помечено 9 октября — набросок ответа Перовского датирован 23 октября. Однако официальная переписка проходила через стандартные бюрократические процедуры — письмо переписывалось, регистрировалось, передавалось по инстанциям и отправлялось по назначению обычной почтой. Дата на отношении не соответствовала дате реальной отправки письма. В свою очередь, дата на ответном письме Перовского не означает даты получения письма Бутурлина: просто оренбургский генерал-губернатор отдавал распоряжение канцелярии в канун почтового дня (об этом см. ниже).
- 26 *Соколов Д.Н.* Пушкин в Оренбурге // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 84.
- 27 Там же. С. 83.
- 28 *Анненков П.В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. (Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. Т. 1). СПб., 1855. С. 372.
- 29 *Даль В.И.* Воспоминания о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 258.

³⁰ Соколов Д.Н. Указ. соч. С. 73.

³¹ «Воспоминания о Пушкине» В.И. Даля: Авторизованная писарская копия / Вступительная заметка, публикация и комментарии Ю.П. Фесенко // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 12; выделено мною. Ю.П. Фесенко предполагает, что купюру Майков сделал осознанно: «Возможно, Л.Н. Майков хотел избежать резкого расхождения с отличающимся утверждением Перовского» (с. 8). Однако противоречия между письмом Перовского и воспоминаниями Даля, конечно, нет: «останавливался» — не означает «жил постоянно» (а у кого *еще* останавливался Пушкин, уведомлять полицейские инстанции было не к чему). Скорее всего, пропавшее слово — следствие обычной типографской небрежности.

³² Бартенев П.И. О Пушкине... С. 340; выделено мною.

³³ Сначала фрагмент «Авторской исповеди», непосредственно касающийся Пушкина, был опубликован по рукописи Анненковым в его «Материалах...» (цензурное разрешение — 22 октября 1854 года). Через несколько месяцев «Авторская исповедь» была напечатана уже целиком, в составе «Сочинений Н.В. Гоголя, найденных после его смерти» (цензурное разрешение — 26 июля 1855 года).

³⁴ Об основаниях для такой репутации см.: Проскурин О. Первые «Отечественные записки», или О жи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=1&article=117>).

³⁵ См.: Выдержки из дневника О.М. Бодянского // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 118.

и время и место
историко-филологический
сборник
к шестидесятилетию
Александра Львовича
Осповата